

ВЫСТАВКА ГРАФИКА

С опережением графики

Офорты Рембрандта из коллекции Ровинского в Эрмитаже

Год Рембрандта, который отмечают в 2006 году по всему миру, Эрмитаж начал с выставки офортов той части наследия Рембрандта, о которой все знают, но мало кто видел. Под 350 работ из коллекции Дмитрия Ровинского отвели самые парадные залы Зимнего дворца. Рассказывает КИРА ДОЛИНИНА.

За сухой формулировкой «Офорты Рембрандта из коллекции Дмитрия Ровинского в собрании Государственного Эрмитажа» стоит целая история: про блистательные гравюры, про страстного коллекционера, про музей, получивший бесценное собрание по завещанию и сумевший сохранить его в целостности. Залы, в которых разместили выставку, графику видят чрезвычайно редко. Они для живописи, костюмов, мебели. А еще лучше — для приемов и балов. Но сегодня в них стоят стенды, на которых вывешены листы бумаги размером иногда не больше почтовой марки.

В них хронология и тематика: 1620-е, лейденский период, автопортреты и фигурки нищих, бурная фантазия и столь же бурная шевелюра автора, игра в гримасы и наслаждение молодого виртуоза своей властью над линией. 1630-е, переезд в Амстердам, удачная женитьба, богатые заказчики — нищие исчезают, автопортреты кардинально меняются. На сцену выходит холерный, самодовольный и дежающий своим удовольствием со зрителем человек — у него те же чуть простоватые черты лица, но никаких гримас этот человек себе уже не позволяет. Зато позволяет себе равнять свое имя с именами великих: на автопортретах появляется в costume времен Луки Лейденского и

Эрмитаж показывает Рембрандта-гравера крупным планом ФОТО МИХАИЛА РАЗУВАЕВА

приводит свое имя в соответствии с канонами — с 1633 года он уже не Рембрандт Харменсзон ван Рейн, а только Рембрандт, как Тициан, Рафаэль или Леонардо.

1640-е — в гравюре Рембрандта появляются пейзажи и портреты интеллектуалов, увеличивается количество шу. Все не такое, как у других. Один и тот же пейзаж с одной и той же медной доски способен в его руках на разных оттисках пережить полный световой день — от прозрачного раннего утра до черной бархатной ночи. Знаменитые количеством насмешек, сыпавшихся на них последние лет 350, рембрандтовские обнаженные доносят до нас не столько пресловутый реализм, о котором грезил русский передвижник, сколько

сексуальный идеал Голландии середины XVII века, отличный от того, что мы можем увидеть в работах классицизирующих современников Рембрандта, но оттого не менее актуальный для самого художника. Портреты заказчиков, знакомых, людей из близкого круга Рембрандта чрезвычайно разнообразны, в том числе религиозной принадлежностью портретируемых, но вместе создают непривычный для голландского искусства XVII века корпус художественных текстов, посвященных образу утонченного человека духа, а не показных социальных достоинств. 1650-е годы — это время «Евангелия от Рембрандта», в которое складываются десятки листов, повествующих о земной жизни Христа. Здесь и сложнейшие

сюжеты, и сложнейшая техника — все достижения Рембрандта как гравера.

Рембрандт-гравер — явление, не имеющее аналогов в истории искусства. Развитая им техника гравирования оказалась столь сложной, что, за редчайшими исключениями, попытки последователей, учеников и имитаторов повторить его приемы заканчивались провалом. Именно для этого художника техника офорта оказалась наиболее адекватной тому, что он хотел получить на листе бумаги. А хотел он почти невозможного — создать на бумаге мир, способный поспорить с миром его же живописи. Как и в живописи, главным в офортах Рембрандта был свет. Ему подчинены линии и техника, ради него эксперименты,

многие из которых долгое время принимались за следы неаккуратности или забывчивости мастера. Но каждое движение гравера здесь было отточено и продумано. Именно поэтому «пробные» отпечатки с досок, которые его предшественниками браковались, у Рембрандта получают статус самостоятельных произведений. Последовательность таких отпечатков с авторскими изменениями исчисляется «состояниями» (у Рембрандта их число доходит до 12). Увидеть их рядом — это не столько возможность заглянуть на «кухню» художника, сколько способ стать очевидцем феерической артистической игры, в которой порой один только выбеленный луч в крошечной черноте штриха способен произвести эффект разорвавшейся бомбы. И создать новый шедевр.

По подбору офортов и их «состояний» собрание Ровинского — одно из самых полных в мире (968 гравюр Рембрандта и его школы). Оно много говорит о Рембрандте и немало — о собирателе. Дмитрий Александрович Ровинский (1824–1895) — юрист, один из инициаторов российской судебной реформы. Его собрание насчитывало около 100 тыс. русских и западноевропейских гравюр. Однако восторгами владельца сокровищ дело не обошлось — как и в судебном деле, Ровинский и здесь верил в порядок. Создание отечественной науки об искусстве он начал с написания истории иконописи и гравирования, а также каталогов русского лубка и офортов Рембрандта. В собирании русской гравюры он видел свой гражданский долг. В погоне за офортами Рембрандта было удовольствие, азарт и желание

поймать то, что ставит этого гравера выше всех остальных. Его каталог офортов Рембрандта — строгая классификация, в которой особое внимание уделяется определению «состояний» офорта. Но вступление к нему — это еще и очень личный текст, взгляд на художника, в значительной степени окрашенный национальными мифами. Во многом благодаря Ровинскому и влиявшему на него пламенному Владимиру Стасову «русский Рембрандт» считывался их современниками как предтеча передвижников, художник социального гнева и протеста.

Классицисты возмущались натурализмом Рембрандта и его упорным нежеланием следовать установленным ими законам «красоты», но восхищались недоступной им самим экспрессией его работ. Романтики создали культ Рембрандта как не понятного современниками одинокого гения. Реалисты вели от него свою родословную. XX век вознес его на небеса — Сезанн, Матисс, Пикассо считали в нем высшую ипостась художественного гения. Уорхол мог бы снять перед ним шляпу — манипулировать вкусом заказчиков Рембрандт умел как никто другой. Концептуалисты вполне могли бы начать историю своего «проекта» мышления от Рембрандта: идея последовательных «состояний» офортов достойна самого изощренного постмодернистского ума. Какой Рембрандт сегодня? Герой анекдотов, ученых книг и билбордов, рекламирующих зубную пасту? Синоним высочайшего качества? Год Рембрандта дает возможность все новых трактовок творчества великого голландца.

Коммерсантъ - 2006 - 18 марта - с. 8